

Переворот 31 мая оказал также влияние на продажу национальных имуществ, конфискованных у церкви и у дворян. До тех пор продажа этих имуществ шла больше всего на пользу зажиточной буржуазии. Теперь же монтаньяры приняли некоторые меры, чтобы те, кто сам хотел работать на земле, тоже могли покупать эти земли.

Когда началась продажа имений, конфискованных у церкви, часть из них начали было делить на мелкие участки и покупателям давалось 12 лет рассрочки для уплаты покупной цены ежегодными взносами. Но по мере того, как усиливалась реакция 1790 и 1791 гг., постановка этого дела начала изменяться на пользу крупной буржуазии. Кроме того, так как государство нуждалось в деньгах, то надо было торопиться с продажей, и земли предпочитали продавать тем, кто покупал большие имения целиком, хотя бы даже с целью перепродажи и спекуляции, лишь бы сразу вносились большие суммы. Крестьяне, конечно, составляли в некоторых местностях товарищества, чтобы сообща покупать имения; но законодатели недружелюбно относились к таким товариществам, и громадная доля национальных имуществ перешла в руки скупщиков, спекуляторов, отчасти даже иностранных компаний. Мелкие землевладельцы, а тем более батраки и ремесленники, жившие по деревням, и вообще бедные жаловались; но Законодательное собрание не обращало никакого внимания на их жалобы¹.

Уже во многих наказах 1789 г. высказывалось желание, чтобы казенные земли и земли «мертвой руки» вокруг Парижа были разбиты на участки и сдавались в аренду по 2 и по 3 десятины. В провинции Артуа требовали даже, чтобы размеры ферм не превосходили известной величины². Но, как справедливо заметил уже Авенель, «ни в речах, произнесенных по этому предмету в Собрании, ни в изданных законах - нигде нет ни слова в пользу безземельных...» Никто не предложил в Собрании организации народного кредита, чтобы бедные люди могли бы приобрести хотя частицу земли... Никакого внимания не было обращено даже на желание, высказанное некоторыми газетами, в том числе и официальным «Монитором», которые предлагали, чтобы половина пущенных в продажу имуществ была разделена на участки ценой в 5 тыс. франков с целью создать таким образом мелких землевладельцев³. Участки покупались либо теми из крестьян, которые уже имели свою землю, либо буржуа из города, что было встречено очень враждебно в Бретани и Вандее и послужило впоследствии, когда вернулись Бурбоны в 1815 г., сильным оружием реакции против республиканских и вообще передовых воззрений.

Но вот народ восстал 10 августа. Тогда под угрозой народных движений Законодательное собрание постаралось успокоить недовольство и приказало, чтобы земли, отобранные у эмигрантов (лучшие церковные земли уже были распроданы), были разбиты на участки от 1 до 2 десятин и продавались «в вечность за уплату постоянной ренты, платимой деньгами». Впрочем, тем, кто платил капитальную сумму наличными, все-таки давалось предпочтение.

3 июня 1793 г., т. е. на другой же день после изгнания из Конвента жирондистских вождей. Конвент обещал выделить около полдесятины земли каждой пролетарской семье в деревнях. Некоторые представители Конвента, разосланные по провинциям с обширными полномочиями, так и поступали: они раздавали самым бедным крестьянам небольшие участки земли. Но только 2 фримера II года (22 ноября 1793 г.) Конвент постановил, что национальные имущества, пускаемые в продажу, необходимо должны быть разбиваемы на возможно мелкие участки. При про даже имений, отобранных у эмигрантов, были также выработаны условия, выгодные для бедных, и они удержались вплоть до 1796 г., когда вернувшаяся реакция уничтожила их.

Нужно, впрочем, сказать, что финансы республики все время оставались в самом жалком положении. Налоги, конечно, поступали очень плохо, а война поглощала миллиарды и миллиарды. Ассигнации колебались и жестоко падали в цене, и в таких условиях казне необходимо было как можно скорее выручать наличные деньги от продажи государственных имуществ, чтобы погашать соответственное число ассигнаций. Поэтому все правители - монтаньяры, точно так же как и жирондисты, гораздо менее думали о крестьянах, чем о немедленной реализации наибольших сумм денег. Предпочтение всегда отдавалось тому, кто платил деньгами при покупке земель; и благодаря этому составлялись так называемые «черные банды» скупщиков и спекуляторов.

---

¹ *Sagnac Ph.* La legislation civile de la Revolution Francaise. Paris, 1898, p. 177.

² *Ibid.*, p. 80.

³ *Avenel C.* Lundis revolutionnaires. Paris, 1875, p. 29–30; *Кареев Н. И.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879, с. 470.